К. Н. БАТЮШКОВ

ПИСЬМА к Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ и к П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Публикация В. А. Кошелева

В третьем томе собрания сочинений К. Н. Батюшкова, вышедшем под редакцией и с примечаниями Л. Н. Майкова и В. И. Саитова (СПб., 1886), собрано 306 писем поэта. Еще более 40 писем было опубликовано в разное время на страницах периодических изданий. Вместе с тем значительная часть эпистолярного наследия Батюшкова до сих пор остается еще не опубликованной, не вошедшей в научный обиход. Соответственно этому оказываются неизученными значительные моменты его творчества, биографии, личных связей и отношений, которые представляют несомненный интерес для характеристики русского общественного и культурного быта первых десятилетий XIX в.

1. ПИСЬМА к Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится 23 неопубликованных письма Батюшкова к его старшей сестре Елизавете Николаевне Шипиловой и ее мужу Павлу Алексеевичу Шипилову (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 19 и 20).

Елизавета Николаевна (ок. 1775—1849) была лет на 10—12 старше Батюшкова: в одном из писем он называет ее «старшей всем». Кроме нее у поэта было еще три сестры: Анна (ум. 1808), Александра (1785—1829) и Варвара (1791—после 1877).[1] Около 1801 г. Елизавета вышла замуж

[1] Даты рождения сестер Батюшкова установлены на основании судебного документа о разделе имения (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 55). В биографии поэта эти даты указаны неточно. Так, Л. Н. Майков, исходя из того, что сестра Батюшкова Александра Николаевна «была старше его на десять лет» (а не на два года, как было в действительности), называет ее первой «наставницей» поэта (см.: *Майков Л.* Батюшков, его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1896, с. 8).

lib.pushkinskijdom.ru

за П. А. Шипилова, который упоминается в письме юноши Батюшкова к отцу от 11 ноября 1801 г.[2] Шипиловы жили в Вологде (вероятно, в доме, принадлежавшем покойной матери поэта[3]); там Павел Алексеевич служил по учебной части. В 1824—1829 гг. он был директором училищ Вологодской губернии,[4] после чего был переведен в Петербург на должность директора 2-й Санкт-Петербургской гимназии, а позже — директора Гатчинского института (III, 598 — примеч. Майкова). В 1847 г. он вновь переехал в Вологду и поселился в селе Маклаково около города,[5] где и умер в 1856 г.

В опубликованной переписке Батюшкова П. А. Шипилов упоминается часто и с самыми лестными о нем отзывами. Так, в письме к сестре Александре от 1 ноября 1808 г. Батюшков замечает о Шипилове: «...он один — и это говорю точно, по истинному убеждению — заслуживает нашей доверенности» (III, 20). В следующем письме (от 8 декабря) эта мысль выражается еще более отчетливо: «...ему поручаю вас, а на прочих, право, надеяться нечего в Петербурге» (III, 23). Эти упоминания связаны с тяжелой для поэта историей раздела имения покойной матери, происходившего весной и летом 1808 г. (подробнее см. в письме № 1), при котором Шипилов помог Батюшковым.

Отношения поэта и его шурина были очень теплыми. Батюшков неоднократно хлопотал (в 1810—1817 гг.) о выгодном месте службы для Шипилова (III, 97—98, 174—176, 415). В свою очередь Шипилов добровольно взял на себя управление вологодскими деревнями Батюшкова,[6] и упоминается он в письмах поэта прежде всего в связи с делами хозяйственными: «Павлу Алексеевичу писал о его деле и о продаже пустоши; попроси его еще от себя; желательно мне иметь 1500 р., если нельзя более» (из письма к сестре Александре от 4 мая 1810 г.: III, 92); «Павел Алексеевич должен весьма ускорить присылкою верющего письма на имение...» (к ней же от 14 июля 1813 г.: III, 233) и т. д.

---

[2] *Батюшков К. Н.* Соч. СПб., 1886, т. III, с. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

[3] Местонахождение дома не установлено.

[4] См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860, с. 81.

[5] См. письма П. А. Шипилова к П. А. Вяземскому 1848—1855 гг.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3055; черновики писем см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 76. Письма П. А. Вяземского к Шипилову см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 67. См. также неопубликованные заметки А. С. Власова: ЦГАЛИ, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 17.

[6] Согласно описи 1825 г., Батюшкову принадлежало сельцо Межки Вологодского уезда с деревнями Авдотьино, Михалка, Чернухино; сельцо Воздвиженское Вологодского уезда Угольской волости с деревнями Павлиново, Строкино, Глуповское, Михайловская, Рыково, Ракач, Соболево, Гороховская, Макарьино, Ковшово, Васильевская, Низки и Рылово. В них числилось 325 душ мужского и 308 душ женского пола (см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 57, л. 27—58). В деревне Авдотьино под Вологдой была небольшая усадьба; после 1833 г., когда больного Батюшкова поселили в Вологде у племянника Г. А. Гревенса, его вывозили на летние месяцы в эту усадьбу (см.: Государственный архив Вологодской области, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 56).

lib.pushkinskijdom.ru

Когда в ноябре 1822 г. из Симферополя, где в то время лечился Батюшков, дошли вести о его тяжелом состоянии и о том, что душевная болезнь поэта прогрессировала, друзья его поручили «Шипилову, женатому на его сестре, человеку и благоразумному, и доброму, съездить за ним».[7] Е. Ф. Муравьева, родственница поэта (вдова известного писателя М. Н. Муравьева, приходившегося Батюшкову двоюродным дядей), дала на эту поездку две тысячи рублей.[8] Шипилов выехал в Симферополь, пробыл там с 14 по 26 февраля 1823 г., но уговорить Батюшкова уехать не смог.[9] С сентября 1825 г. до февраля 1833 г. Шипилов исполнял обязанности опекуна над вологодскими имениями поэта.[10] И позже, в 1847—1855 гг., он заботился о больном зяте, периодически сообщая друзьям о состоянии его здоровья. После смерти Батюшкова у Шипилова оказался большой архив поэта (составивший основу фонда Батюшкова в ИРЛИ), а также его библиотека, в дальнейшем утраченная.[11]

В настоящую подборку включены 11 наиболее интересных писем Батюшкова к Е. Н. и П. А. Шипиловым, относящихся к 1808—1817 гг.

1

12 июня ‹1808›.

Я к тебе пишу из Вологды, любезный брат Павел Алексеевич. Сколько я тебе благодарен за твою дружбу, которую испытываю не словами, а твоими благородными поступками. Горестно было снести смерть сестры.[1] Лизавета, слава богу, здорова и покойна. Я вышлю 500 рубл‹ей› на будущей почте. Приезжайте, бога ради. В Питере, я вижу, и с тобой прокатят, а обо мне уже и говорить нечего.[2] Будь осторожнее, удивимся письмам, что я получаю. Посоветуй, что делать, и спроси у Александры, я из сил выбился. Ложь и клевета со всех сторон, болтают, как собаки. Мы много одолжены Аркад‹ием› Апол‹лоновичем›,[3] благодари его. Попроси Алекс‹андру›, чтоб меня уведомляла, я ее люблю душевно; скажи ей, и более беспокоит меня, ‹что› она думает: дела не сделают, и все покинут ее. В том свидетель была и Лизавета. Мне так надоели сплетни и пиявицы, что боже от них сохрани.[4]

Пиши ко мне, любезн‹ый› друг. Не вверяйся всем. Прощай, обнимаю тебя заочно

Констант‹ин› Батюшков.

---

[7] См. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1811 г.: Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899, т. II, с. 277—278.

[8] См. письмо Н. М. Муравьева к П. А. Шипилову от 26 декабря 1822 г.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 70; письмо П. А. Вяземского к Шипилову от 4 января 1823 г.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 332.

[9] См. письма П. А. Шипилова к А. Н. Батюшковой от 19 февраля и 28 марта 1823 г.: ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 38.

[10] Материалы Вологодской Дворянской опеки над имениями Батюшкова см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 56 и 57.

[11] Сведения о библиотеке Батюшкова см.: *Власов А. С.* Подробные сведения о последних днях К. Н. Батюшкова. — ЦГАЛИ, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 17, л. 12.

lib.pushkinskijdom.ru

12 июня.

Волков[5] дал еще денег.

Просись в удельную экспедицию в Вологду. Аленин,[6] может быть, тебе услужит ‹. . .› [a] твой того желает.

Письмо является одним из доказательств факта пребывания Батюшкова в Вологде весной и летом 1808 г., не отмеченного в существующих биографиях поэта. Батюшков приехал в Вологду во второй половине апреля и находился там до конца августа, что подтверждается целым рядом архивных документов: письмом московских купцов Алексея и Ивана Дмитриевых к Батюшкову в Вологду от 14 апреля 1808 г. (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 31), письмом Н. Л. Батюшкова к сыну в Вологду от 24 июня (там же, ед. хр. 24), письмом А. И. Гревенса к П. А. Шипилову в Вологду от 6 июля, в котором он просит «кланяться» «Елизавете Николаевне и Константину Николаевичу» (там же, ед. хр. 68), и т. п. Соответственно, необходимо уточнить и место отправления писем Батюшкова к Н. И. Гнедичу от 1 июля и 7 августа 1808 г. (III, 17—19): не «на походе в Финляндию», как указывает Л. Н. Майков, а Вологда.

[1] Анна Николаевна, старшая сестра поэта, бывшая замужем за статским советником Абрамом Ильичем Гревенсом, умерла весной 1808 г. в Петербурге.

[2] Во время написания письма П. А. Шипилов и Александра Николаевна Батюшкова находились в Петербурге по делу о разделе имения матери. Раздел имения состоялся 12 июня, в день отправления письма (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 55).

[3] Соколов Аркадий Аполлонович — вологодский дворянин, впоследствии муж младшей сестры поэта Варвары; служил по учебной части (Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год, с. 81).

[4] «Сплетни и пиявицы» связаны с вторичной женитьбой отца поэта Николая Львовича Батюшкова (1755—1817) на устюженской дворянке Авдотье Никитичне Теглевой (ум. 1814), что привело к разрыву его с детьми, к разделу имения и к судебным процессам.

[5] Волков Семен — вологодский купец (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 53).

[6] Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — писатель, археолог, художник, основатель известного салона. В январе—феврале 1807 г. Батюшков служил под его началом в канцелярии милиционного войска, откуда ушел на войну с Пруссией.

2

17 марта ‹1810›.

Благодарю тебя, милый друг Лизавета, за твое письмо, которое я получил назад тому неделю. Серьги твои отдал я Кат‹ерине› Фед‹оровне›.[1] Она заказала оправить их весьма искусному мастеру, и я их пришлю тебе к святой. Они будут очень невелики, но фасон, кажется мне, довольно криклив, якорь и цепь так, как теперь носят.

---

[a] Край письма оторван.

lib.pushkinskijdom.ru

Д. О. Баранов[2] женился на княжне Несвицкой, il ne faut pas ebruiter cela.[a] Невеста недурна собой. Я с ней у него обедал в день его рождения. Это и для меня сюрприз, что же для вас??? Приехать, увидеться и жениться! Не верю теперь ни чувствительности, *ни высоким чувствам*... или свет и счастие очень переменяют людей.

Будь счастлива, мой друг, и спокойна, сноси огорчения как можно равнодушнее, люби и не забывай меня — вот желание и совет преданного тебе по гроб

Константина.

Здоров ли ты, любезный брат Павел Алексеевич? — что ты поделываешь? — а я тебе купил кнастеру самого лучшего и теперь ищу оказии отослать его. Не радуйся! — это один только картуз, затем что денег на покупку немного. Кстати об деньгах, не можешь ли ты мне сделать одолжение — продать Ваньку? — Это б очень было хорошо для меня. Мне теперь надобно иметь тысячи две, затем что я *намереваюсь в Петербург*. Помоги мне, любезный друг, в этом случае, ты сам знаешь мои обстоятельства. Оленин говорил Баранову, что есть для меня место очень выгодное, что я могу ездить на лето в отпуск, одним словом, что я сам буду виноват, если упущу случай поправить дела мои. Но без денег как пуститься? По крайней мере уведомь меня, есть ли надежда это устроить. Мне не к кому, кроме тебя прибегнуть, да естьли бы и был кто, то я бы просил все-таки тебя, затем что тебя люблю от всего сердца.

Здесь говорят, что сахар и сукно дешевеют, вот и все новости. Государь в Твери. Москва все так, как и была. Я недавно говорил и затем не скажу тебе, чтоб не солгать, разумеется, — что здесь скучно. Пиши ко мне.

Весь твой Конст‹антин›.

17 марта.

Вариньку, ленивую девочку, целую самым ленивым манером.

Волоцкой[3] был у меня. Он служит у Кутузова[4] и очень жалеет о Вологде. Я к нему заеду на днях.

[1] Батюшков остановился в Москве у Екатерины Федоровны Муравьевой (1771—1848) и с этого времени очень сблизился с нею и с ее сыновьями Никитой и Александром, будущими декабристами, приходившимися поэту двоюродными племянниками.

[2] Баранов Дмитрий Осипович (1773—1834) — родственник Батюшковых, писатель, впоследствии сенатор. См. о нем в примечании Л. Н. Майкова: III, 619—620.

[3] Волоцкой Дмитрий Николаевич — знакомый П. А. Шипилова, служивший вместе с ним в Вологде в 1803—1809 гг. (см.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год, с. 81).

[4] Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — стихотворец и сенатор, крайний реакционер; в 1810 г. был назначен попечителем Московского университета.

---

[a] не нужно это предавать огласке (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

3

7 сентября ‹1812›.

Я из Москвы отправился с Катериной Федоровной в Нижний [1] и теперь пишу из Володимира. Она очень нездорова. Я надеялся возвратиться в Петербург, а теперь — и за то благодарю бога! — еду в Нижний. К батюшке писать не успел из Москвы, а почта на Петербург еще не учреждена здесь. Бога ради, успокойте его, мои друзья, и скажите ему, что я буду в деревню из Нижнего; мне хочется с вами увидеться.[2]

Сколько слез! Два моих благотворителя, Оленин и Татищев, лишились вдруг детей своих.[3] Оленина старший сын убит одним ядром вместе с Татищевым. Меньшой Оленин так ранен, что мы отчаиваемся до сих пор! [4] Бедные родители!

Пришли мне оброк в Нижний Новгород, я буду иметь крайнюю нужду в деньгах. Приготовьте его, а из Нижнего я писать буду. Будьте здоровы, покойны и неразлучны. Бог с вами со всеми! — Рука не поднимается описывать вам то, что я видел и слышал. Простите.

Сегодня еду в Нижний из Володимира.

7 сентября.

[1] Батюшков выехал из Москвы вместе с семьей Е. Ф. Муравьевой 4 сентября 1812 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 5, ед. хр. 56).

[2] Батюшков приезжал в Вологду для свидания с родными в начале декабря 1812 г.

[3] 26 августа 1812 г. во время Бородинского сражения были убиты одним ядром Николай Алексеевич Оленин и Григорий Петрович Татищев. См.: Русский архив, 1885, ч. III, № 10, с. 261; 1886, ч. I, № 2, с. 226.

[4] Петр Алексеевич Оленин был контужен в том же сражении.

4

‹3 июня 1815›.

Благодарю тебя, любезный брат и друг, за приглашение приехать к вам. Дело невозможное. Вчера я получил письмо от Бахметева,[1] весьма учтивое; по этому письму мог бы помедлить еще несколько дней, но так как бричка уже в Рыбной, то ехать не на чем, и при том время теряется. Крайне сожалею, что с тобою не мог увидеться: обо многом переговорить надобно. Но что делать! Покоряться непреклонной судьбе и против желания скакать бог знает куда. По крайней мере письменно благодарю тебя за попечение твое о делах моих. Бога ради, не оставляй их. Знаю, что это работа не веселая, но чувствую, что я на твоем месте скрепя сердце то же бы делал. Продай Василья за тысячу рублей и менее, если более не дадут. Что мне в этом негодяе? [2] а деньги, право, нужны. Из сего числа дай сто рублей Третья-

lib.pushkinskijdom.ru

кову[3] за его труды; остальные немедленно отправь к Гнедичу; остальных, я полагаю, 900, да 100 еще прибавь из оброку с Межков, если хочешь; итого составит 1000. Всю сию сумму через Гнедича для уплаты к‹нязю› Гагарину.[4] Так ему и напиши; он знает, как передать, и тебе пришлет свою расписку, если хочешь. Копчи, бога ради, это дело или поручи его Третьякову. Лучше дешевле продай, да поскорее. К какой стати мне держать Василья в деревне?

Я говорил с Аркадье‹м› Аполлонович‹ем› о Сирякове. Нельзя ли через третьи руки это дело кончить? Я согласен дать Сирякову вексель хотя в двух тысячах на два года или на три.[5] Ты дай за меня, по моему верющему письму, или я пришлю, если хочешь. Только бы кончить это проклятое дело, которое у меня лежит на сердце. Аркадий Аполлонович взял на себя труд объяснить тебе по этому делу. Еще просьба. Дай купчую сестре Александре Николаевне на все семейство Осипа Шитова. Не смотри на то, если она отговариваться будет; все-таки дай. Я у нее взял двух девок в деревне; надобно чем-нибудь вознаградить. Что мне в Осипе? А ей эта почтенная семья необходимо нужна, по дарованию прелестной Марьи и ее братца. Дай отпускные по моим запискам двум старостам. Надобно наградить углицкого, если ты им будешь доволен. Он довольно усерден и расторопен. Вот, кажется мне, и все. Остальное на твою волю. Радуюсь душевно, что ты кончил благополучно свои дела и путешествия, вещи неприятные, как я думаю. Прости, обнимаю тебя и не забывай твоего преданного брата и друга

Конст‹антина› Б.

Мое почтение батюшке Алексею Никитичу[6] прошу засвидетельствовать.

Четверг.

Письмо датировано на основании даты выезда Батюшкова из Хантонова: 8 июня 1815 г. (III, 316). Это был вторник, следовательно, письмо написано в предыдущий четверг (3 июня).

[1] Батюшков служил в военной службе в качестве адъютанта генерала А. Н. Бахметева с 29 марта 1813 по 20 января 1816 г. (ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 4); с конца июня по 26 декабря 1815 г. он находился при Бахметеве в Каменце Подольском (III, 365).

[2] Захаров Василий — крепостной крестьянин Батюшкова из села Хантоново Череповецкого уезда Новгородской губернии; по определению Батюшкова, «закоренелый плут» (III, 91). Имя Василия Захарова часто упоминается в переписке поэта с весьма нелестными характеристиками (III, 352, 364 и др.; см. также письма № 5, 8 настоящей публикации).

[3] Третьяков Константин — чиновник Вологодской удельной конторы (III, 363, 366).

[4] В 1810 г. Батюшков занял у кн. И. А. Гагарина тысячу рублей (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 52).

[5] В 1815 г. имущественное положение Батюшкова значительно ухудшилось. 1 апреля он занял в Московском опекунском совете 3490 руб.

lib.pushkinskijdom.ru

(ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 54), а 15 июня — еще 3430 руб. (там же, ед. хр. 52, л. 3), заложив свои вологодские имения. Подробности «проклятого дела» с неким Сиряковым до нас не дошли.

[6] Алексей Никитич — отец П. А. Шипилова.

5

Благодарю тебя за письмо твое, любезный брат и друг. Я нимало не сержусь за молчание; знаю, что в наших горестных и хлопотливых обстоятельствах иногда и письмо бывает — бремя. Но еще раз прибегаю с просьбою о Захарове. Избавь меня от него и от долга, который лежит у меня на совести. Продай его с повытчиком, а землю назад, как водится. Что же касается до осторожности со мною, то она излишняя. Ты по опыту знаешь, что я не могу сделать тебе неудовольствия за твои услуги; я, кажется, с тех пор как владею имением, а ты им управляешь, заслужил твою доверенность. Притом же, если бы я и сделал глупость, то принужден был бы жаловаться на себя. Кто слишком осторожен, тот не осторожен. Заметь, что закладывать имение мне нельзя. Надобно будет перезаложить часть оного для заплаты снова в ломбард и об этом подумать. Не знаю, как сладим, и что ты расположишь и придумаешь? Что сделать мне, дабы избежать твоих огорчений, которые имели ныне с закладыванием, ибо взялись слишком поздно; к кому адресоваться в Петербурге? Гнедич формально отказался, да и сам не хочу его беспокоить. Не лучше ли заложить в приказ Вологодской на сумму 3000, которую мне платить надобно будет в ломбард в майе 1816 года.[1] Скажи что-нибудь решительно. Распоряди сам решительно. В таком отдалении переписка не верна и медленна, а тут дело идет не шуточное. Прости мне мою просьбу докучную. Ты мне ближайший родственник, и опытность доказала, милый друг, что я могу на тебя считать; в школе злополучий и огорчений, которые мы делили почти пополам, которые знаем один только в семействе нашем, мы видим и чувствуем, что никто не может судить о наших обстоятельствах с малейшею справедливостию; но зато мы не изменим и дружбе. Я счастливым себя назову, если могу когда-либо оказать тебе маленькую услугу, а пока чувствую вполне твою дружбу.

В проезд мой через Москву я виделся с Дружининым,[2] который тебя очень хвалил за то, что ты не взял подарка от Инов.‹?›, ибо он не такой человек, у которого бы можно было взять. Притом же с такими людьми, каков Этот, надобно обходиться как можно осторожнее: его нельзя уважать. Он по себе обо всех судит, и вот единственно почему оскорбиться нельзя его поступком.

При сем прилагаю приказ старосте о высылке мне денег. Бога ради, чтобы не замедлил и недоимок не было. Такой же послал к сестре, адресуя в Череповец, не знаю, который дойдет прежде. Прошу поцеловать за меня милую сестрицу Лизавету Нико-

lib.pushkinskijdom.ru

лаевну, благодарю за письмо и отвечать буду на одной из будущих почт. Радуюсь душевно, что Вареньке легче; дай бог, чтобы она поправилась.[3] Обнимаю милых твоих деточек и прошу их не заучить. Est modus in rebus.[а, 4] Прости, будь здоров и помни твоего преданного брата и друга.

Конст<антин>.

Каменец.
12 октября 1815.

О себе ничего сказать не могу, и не делай мне вопросов на мой счет. Que sais-je?[б, 5] — вот и все! Но здесь очень не весело; я предвидел это издали. Вышли деньги, у меня ни гроша нет.

[1] О «ломбардном деле» Батюшкова см. в его письмах к Н. И. Гнедичу, А. Н. Батюшковой, Е. Ф. Муравьевой от декабря 1815—апреля 1816 г. (III, 362—363, 366, 377, 378—379, 384).

[2] Дружинин Петр Михайлович (1764—1827) в 1815 г. был профессором Московского университета, директором Московской губернской гимназии.

[3] О болезни В. Н. Батюшковой см. в письмах Батюшкова к сестре Александре (III, 347, 349).

[4] Крылатое выражение из 1-й сатиры Горация.

[5] Выражение из книги М. Монтеня «Опыты», символизирующее несовершенство человеческих знаний.

6

Ты, любезный брат, и сестра Лизавета Николаевна, требуете у меня советов и пособий насчет гувернера для Алешеньки.[1] Долгом поставляю говорить с вами откровенно, без предубеждений и лести, *о деле столь нежном.* Первое, по справкам моим оказалось, что здесь иностранцев, достойных уважения, мало, особенно французов, что хороший (или то, что называли хорошим, а по-моему, скотина-скотиной) не поедет вдаль ни за какую сумму. Немцев не знаю, да вы, конечно, до них и не охотники, это мне также не очень нравится. Беспокойство ваше насчет сына кажется мне излишне; он по-французски болтает резво: этого довольно. Язык у него изломан, на первый случай более и не надобно. Он пишет, читает хорошо, понятлив: чего ж вы хотите более? Вижу по всему, что не человека из него хотите сделать, а редкого ребенка. Суетное желание! Пагубное! Послушайте моего совета. Учите его болтать по-французски сами (в разговоре более научится этому ремеслу, нежели в книгах), продержите лето в деревне, на воздухе, два часа в день за книгами, за русскою грамматикою, а с осени, если рассудите, или зимою, отдайте мне, или я с братом вместе отправлюсь в Москву и здесь вручим его Антонскому,[2] директ<ору> Благ<ородного> пансс<иона>

а Есть мера в вещах! (*лат.*).
б Что знаю я? (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

при Университете. Тем смелее предлагаю это, что Алексей Никитич дал тысячу рублей, чего достаточно будет на все воспитание в пансионе. Там оставьте его не на год, а лет шесть сряду, и я ручаюсь (зная его способности, и воспитание, и образ учения здешнего), что из него выйдет человек, годный на службу царскую, человек грамотный и светский. Вот мой совет. Если вы отбросите и суетность, и предубеждения деревенские, то увидите ясно, что говорю истину. Достать вам иностранца, посадить в кибитку и отправить мне нетрудно, но какая польза из того? Никакой. Иван Матвеевич[3] имеет шестьдесят тысяч доходу и сына своего Ипполита при себе; он может иметь аббата в парике, ибо не жалеет денег, но не имеет, ибо знает, как аббаты пагубны. Этого мало. Сын его говорит по-французски, но учителя не имеет, а имеет учителей немецких, русских, латин‹ских› и пр., и пр., и пр.

По зиме Алеше будет около десяти или одиннадцати лет. Пора с ним расстаться. Он не девочка; его надобно окунуть в Стикс, а общественное воспитание для небогатых дворян необходимо и есть лучшее. Здесь у меня много приятелей при Университ‹ете›, они присмотрят за сыном. Дружинин первый не откажет. Рано или поздно надо будет с сыном расстаться. Лучше расстаться ранее, нежели взять в дом урода морального, каковы по большей части все выходцы из земли Вольтеровой, или невежду, ибо они — я право не лгу — едва ли и читать умеют: так переродилась вся нация![4] Я сказал мое мнение, сказал мой совет. Верьте, что не одно сердце, но и рассудок участвует в опом. Если вы недовольны вашим иностранцем, то откажите ему; Алешу продержите у себя до зимы. Пусть летом дышит свободою, а зимой сюда. Здесь, право, хорошо учат. Не сужу по заведению, но по людям, которые в нем образовались. Если захотите отдать в Петербур‹гский› Лицей, что в Царском Селе, то и тут могу быть полезен: я знаю Уварова,[5] попечителя петербургс‹кого›, знаю Мартынова,[6] знаю многих профессоров и могу их просить — но на что брать свысока? Лучше держаться середины. Притом же легче, дешевле и выгоднее вам для свиданий ездить в Москву, нежели в Петербург. Вот мое мнение. *Сказал.* Теперь делайте, что хотите, но не сердитесь на меня за правду: вперед говорить не буду ни за какие сокровища, ибо ваше дружество драгоценно моему сердцу. Сестра Лизавета Николаевна при последнем прощании доказала, как горячо меня любит, и чем могу лучше наградить ее за любовь и привязанность, как говоря от сердца, когда дело идет о сыне ее? Что я добра ей и ему желаю, в том вы не сомневаетесь: дай бог, чтоб вы не усумнились в правоте моих слов и советов. Здесь в столице я лучше вашего вижу многие вещи; это натурально: они у меня перед глазами, а вы их угадываете. По совести, я ни одного не знаю француза, которому бы поручил моего сына, а с радостию отдал бы моих детей в Универ‹ситетский› пансион, который образовал лучших наших генералов, писателей, государственных людей, и до сих пор не

lib.pushkinskijdom.ru

переродился. Если и после этого вы будете упрямиться, то я сыщу француза и привезу, если хотите, с собою, но за нравственность и ученость его не поручусь. Не хотите ли лучше, чтобы я за тысячу рублей нашел русского, знающего свой язык и по латыни, или немца? Скажите мне. Сделаю все, что могу, для вас, друзья мои. А не лучше ли *по-моему* повременить до осени или зимы и отправить его сюда с П‹авлом› А‹лексеевичем› и со мною? Как думаете?

Заметьте, что в Б‹лагородном› пансионе те, которые выдержат курс, получают студентский аттестат, право на чин офицерский; это важно для дворянина; что их учат танцовать и петь, и музыке; это важно для сестры, которой я не могу истолковать до сих пор, *как важен* язык латинский, а не французский. Латин‹ский› язык есть ключ ко всем языкам и ко всем сведениям. Еще раз повторяю: и дома говорить по-французски научится, а книги и чтение дополнят. Предварительного домашнего воспитания довольно для Универс‹итетского› пансиона, я справлялся об этом и еще на днях съезжу к Антонскому и переговорю с ним о цене, о пище и о прочем. Будьте же покойны насчет сына вашего и молите провидение, которое печется о детях и добрых родителях.

Комиссии твоей, любезная сестрица, не исполнил, потому что у меня денег немного и потому, и это главное, что все товары будут дешевле. Если надобно, то еще отпиши, а я здесь дам комиссию знакомым дамам торговать ситец.

О ломбарде скажу только, что я писал в Петербург неоднократно и не могу ничего решительного добиться. Чем это кончится, не знаю. Отставки не имею еще и, по-видимому, долго прожду; отсюда выехать не могу и не имею права. Здесь жить дорого, а к‹ак› И‹ван› М‹атвеевич› уедет (ибо он скоро едет в деревню) — еще дороже. Если бы вышла отставка, то я немедленно бы поехал в деревню для исправления кошелька и здоровья. Простите, до свидания. Любите и помните вашего друга и брата

Константина Б.

24 марта 1816.

Сию минуту получил деньги 1000, буду писать к тебе с первою почтою.

29 марта.

Часы, если найду, куплю.

[1] У Шипиловых было трое детей: Леонид (Алеша), Александр и Прасковья (III, 198). Летом 1818 г. Батюшков устраивал Алешу Шипилова вместе со своим сводным братом Помпеем (сыном Н. Д. Батюшкова от второй жены) в Благородный пансион при Московском университете и, уже будучи за границей, интересовался судьбой брата и племянника (III, 506—508, 563). Впоследствии Леонид Павлович Шипилов остался служить в военной службе: в 1856 г. он был гвардии поручик (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 57, л. 1293—1293 об.).

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Прокопович-Антонский Антон Антонович (1771—1846) — профессор энциклопедии, естественной истории и сельского хозяйства, впоследствии ректор Московского университета; один из активных участников и создателей Общества любителей российской словесности.

[3] Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851) — государственный деятель, писатель, отец трех декабристов; являлся троюродным дядей Батюшкова.

[4] Это невысокое мнение о французах утвердилось у поэта после заграничного похода 1813—1814 гг.

[5] Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — с 1818 г. президент Академии наук, с 1833 г. министр народного просвещения.

[6] Мартынов Иван Иванович (1771—1833) — государственный деятель, журналист, писатель; с 1803 по 1817 г. был директором Департамента народного просвещения.

7

‹15 апреля 1816›.
В субботу на святой.

Спешу отвечать тебе, любезный брат, на письмо твое от 3 марта с 500 ‹рублями›, которые получил вчерашнего дня, и поздравить с протекшим праздником, который вы провели, конечно, не худо, ибо провели его в недрах семейства. Ты знаешь (из газет), что я получил отставку невыгодную;[1] но я к этому привык. Неудачи — мне знакомое дело. Славу богу, что имею отставку; она мне была нужнее всего на свете. Здесь останусь до окончания ломбардного дела; но когда оно кончится, не знаю, ибо ни от тебя, ни от сестры, ни от Гнедича решительного ответа не имею и, какие меры мы возьмем, не ведаю.

Что касается до *учителя*, милый друг, то я настою на том, что писал к тебе недавно (получил ли мое письмо?), тем более настою, что я переговаривал еще с Дружин‹ским›. Нет учителей, и не сыщешь в скором времени их. Надобно на это по крайней мере год, чтобы напасть счастливо. Притом же, клянусь моей честью (какая мне нужда вас обманывать?), что Алеша может учиться и дома: тише едешь, дальше будешь. Болтать по-французски он умеет и может еще более научиться дома, писать по-русски, по-немецки, по-французски, немного географии, истории, арифметики первые правила: вот что нужно, необходимо. Если бы вы взяли *на часы* учителя латинского из семинарии, в грубом хитоне, что нужды! — то это увенчало бы совершенно его домашнее воспитание. Что касается до француза, то редкий может учить сим наукам. За тысячу будет пирожник, за две — отставной капрал, за три — школьный учитель из провинции, за пять, за шесть — аббат. А я за них за всех на выбор гроша не дам для Алеши, и знаю, что говорю. Но вот что советует Дружинин (а он этого дела мастер): отдать его в пансион (он берется за это сам и, будучи Главный директор училищ, конечно, может), в пансион частный, к знакомому ему немцу или французу; потом через год в Университет‹ский› пансион, когда ему бу-

lib.pushkinskijdom.ru

дет лет одиннадцать или более. Если вы согласны на это, то по зиме я постараюсь его отдать; если вы похотите сами, то дам вам письма к Антонск‹ому›, Дружинину и проч. До зимы, бога ради, ничего не делайте: верьте мне, что летний деревенск‹ий› воздух, общество родителей, благие примеры и счастие полезнее французов, фанцузского языка и модных слов. Последнее даром или легко дается, а первое редко, очень редко, даже и детям.

Обнимаю Лизавету Николаевну, милую Вареньку. Часы постараюсь привезти с собою, если поеду.

[1] В начале апреля Батюшков был отставлен от военной службы в чине коллежского асессора.

8

‹6 октября 1816›.

Благодарю тебя, милый брат и друг, за присылку денег, а еще более за письмо твое, которое меня истинно обрадовало. Благодарю тебя за приглашение на *север*. Давно бы я был у вас, и вы, конечно, милые и добрые друзья, в этом не сомневаетесь, но болезнь, и болезнь мучительная, меня удерживает в Москве против воли моей. Теперь легче, но не совсем здоров. И предпринимать путешествие не в силах. Надобно дождаться первого пути и белого снега. Теперь прошу тебя снабдить меня путевыми способами и выслать к 10-му ноябрю 1050 оброчных, вдруг — все. Остальные 100 до января можно отсрочить. Здесь я так прожился на аптеке и лекарствах, так задолжал всем художникам от чеботаря до Гиппократовых чад, что не смею и подумать оставаться долее. Расплачусь и выеду. Беда — одна! Здоровье? Но! так и быть: больной поеду. Шутки в сторону, прошу тебя в будущем месяце *снабдить* тем элементом, который всех превосходней: не водою, по Фалесу-мудрецу, но деньгами.

Благодарю милую сестру за приписание и уведомление о детях, которых я люблю всем сердцем. Везу Алеше Риторику, а Саше иглу с ниткою, а вам — себя. Сожалею крайне о Вареньке и желаю ей выйти замуж скорее, как можно скорее. Пора. Право пора, между нами будь молвлено. Аркадию Аполлонычу мой усердный поклон: скажи ему, как бы его хозяйство и деревни хороши ни были, но я найду его покритиковать и, если угодно ему, приеду с топором прочищать виды: он знает, как я ему часть усовершенствовал. Простите, милые друзья мои, обнимаю вас от всего сердца и всей души.

Октября 6.

Изжарь Василья Захарова. Что он делает и что мне с ним делать? Не хочет ли он внести за себя тысячу рублей: я дам ему свободу жить где хочет.

lib.pushkinskijdom.ru

‹Март, 1817›.

Вот третья неделя, любезная Лизавета Николаевна, что я очень не здоров. У меня так разболелась голова, что я третьего дня поставил себе шпанскую мушку; она очень много действовала и, может быть, облегчит боль несносную. Сестра у батюшки; ожидаю ее с часу на час. Желаю, чтоб все ваши были здоровы, брату и сестре мой усердный поклон. Прошу брата засвидетельствовать отпускные; это мой насущный хлеб. Я никак не могу быть у вас, и очень благодарен за приглашение: первое — не здоров, а другое дело — занят.[1] Будьте здоровы, веселы и счастливы и не забывайте

Конст‹антина›.

Понедельник.

Попроси у отца Гавриила сочинение последнее Филарета,[2] *Толкование на пастве,* если не ошибаюсь, и доставь мне. И все, что есть Филарета — прошу ему обо мне напомнить и удостоить меня пастырск‹им› благословением.

[1] Батюшков, живя в Хантонове, готовил к печати второй (стихотворный) том «Опытов в стихах и прозе».

[2] Филарет (Дроздов, 1783—1867) — церковный публицист и писатель; впоследствии митрополит московский.

10

‹4 августа 1817›.

Обстоятельства батюшки требуют моего присутствия у него; крайне сожалею, что я не мог тебя дождаться в деревне, любезный брат, и прошу покорнейше, если есть возможность, приезжай в Даниловское: дела батюшкины надобно кончить на месте, в глазах его.[1] Еще прошу о продаже. Чем более дадут денег — тем лучше, разумеется, но я согласен буду отдать и по триста рублей душу, а если бы за все дали тридцать тысяч, то и очень бы был благодарен. Деньги может быть, нужны будут в скором времени: у батюшки имение описано давно и к продаже назначено. Теперь и дни дороги. Очень благодарен за мое свидетельство, но это дело не столь нужное и, как я говорил, поспеет к Петербургу. Кончить продажу и осмотреться в Даниловском — вот что нужно теперь. Итак, я подожду тебя до 10 августа у батюшки. Более ни дня ожидать не стану, а если приедешь ранее, то сочту за истинное одолжение, ибо пребывание мое там вредно вообще делам, особливо продолжительное. Обнимаю от всего сердца Лизавету Николаевну и желаю ей здоровия и счастия

lib.pushkinskijdom.ru

вместе с милыми малютками, которых прошу поцеловать. Пишите ко мне в Петербург и не забывайте брата, который вас искренно любит.

Конст‹антин› Б.

Суббота.

Посылаю тебе книгу и рекомендую сочинителя.[2]

Не забудь при продаже имения выключить трех девок, которым я уже дал отпускные.

В 1817 г. значительно ухудшилось материальное положение как самого Батюшкова, так и его отца. 17 июля 1817 г. Батюшков писал Гнедичу: «...я нынешний год потеряю половину моего имения (прошу это оставить между нами), то есть тысяч на тридцать, и что будет вперед — не знаю» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898, с. 28). Продажа Даниловского, родового имения Н. Л. Батюшкова, также была уже назначена (III, 478—479). Характерно, что в этих условиях, как свидетельствует приведенное письмо, поэт предпочел продать свои владения, для того чтобы «осмотреться в Даниловском».

[1] Н. Л. Батюшков в это время находился при смерти (ум. 25 ноября 1817 г.).

[2] Батюшков послал Шипилову первую (прозаическую) часть «Опытов в стихах и прозе», полученную им из Петербурга 17 июля 1817 г.

11

‹Сентябрь, 1817›.

Прошу никому этого не читать.

Благодарю тебя, милый друг Лизавета Николаевна, за твое воспоминание. Теперь поговорим о деле для нас важном: и будем говорить чистосердечно и в простых словах. Варинька за несколько часов до отъезда моего прибеж‹ала› ко мне со слезами: она желает, чтобы участь ее чем-нибудь решилась, и желание ее справедливо![1] Более года она томится по-пустому. Ничего у нас не делается, а целому миру все известно. Батюшка меня этим встретил. Я молчал. Но каково мне было? Если Варинька не согласна, то, бога ради, откажите Аркад‹ию› Апол‹лоновичу›. Если он не хочет, то скажите это просто Вариньке. Но решите чем-нибудь. Еще повторю: решите! И не выдумывайте предлогов для проволочки. Стыдно и говорить об имении и тому подобных пустяках. Имение ее известно. Ты, милый друг, старшая всем. Варинька провела у тебя лучшие годы жизни своей, тебе не должно покидать ее. Ты сделала для нее все, что могла, я знаю это; но теперь кончи же начатое или откажи Аркад‹ию› Апол‹лоновичу› начисто.

Варинька невеста. Ей время дорого, ты сама это должна знать лучше моего. Она имеет столько хороших качеств, что, может быть, за женихами еще дело не станет. А в течение года могли бы, кажется, что-нибудь сделать: мы Францию завоевали в шесть

lib.pushkinskijdom.ru

месяцев. Спрашиваю вас, не обидна ли эта нерешимость, с чьей бы стороны она ни была? Со стороны Вариньки — обидна жениху, со стороны его — обидна ей; этого мало: обидна, предосудительна всему семейству нашему, и если вы не примете мер, то это, право, нехорошо будет! Смех посторонним, стыд себе. Итак, прошу вас, решите что-нибудь. Кончите. Я видел, как бедная Варинька мучится: мне и за нее очень больно. Ее участь нам должна быть всего драгоценнее в мире: ибо мы старше ей и провидением назначены быть ей путеводителями и избавлять от огорчений, а не вводить в несчастие. Замужем или незамужем, она мне будет сестра. Кончите, бога ради. Не навлекайте себе огорчений пустым деликатством, которое в делах никуда не годится. Дела делаются просто. Да, или нет — вот и вся песня у благоразумных людей. А полтора года... Но я лучше замолчу, в надежде, что ты это все решишь, и к лучшему для сестры. Уверен также, что простишь мне мои слова и мое простодушие. Я иначе быть не умею с людьми, которых люблю, особенно с родными. Ни слова бы не говорил, ибо не охотник до хлопот, если бы сердце мое, заодно с рассудком, не говорило: надобно этому сделать конец, а у вас еще и начала нет. Все знают, а батюшке не объявлено. У архирея не была и ничего не готово в полтора года?

Но прости мне, милый друг, целую руку твою и прошу ее не лениться писать ко мне. Обнимаю детей твоих. Еще раз будь здорова и люби меня: я, право, того стою за то, что вам очень предан.

[1] О замужестве младшей сестры Батюшков хлопотал начиная с 1814 г. Эта тема нашла отражение в письмах к А. Н. Батюшковой от 19 ноября 1815 г. и 29 сентября 1817 г. (III, 353—354, 471).

2. ПИСЬМО к П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

П. А. Вяземский был одним из самых активных корреспондентов К. Н. Батюшкова. В переписке поэтов наиболее ярко воплотились основные черты жанра дружеского письма начала XIX в.: «его ориентация на устную речь, пародийное использование поэтических и традиционно „высоких“ стилистических штампов, мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, чередование прозы и стихов, и т. п.».[1]

Однако переписка Батюшкова и Вяземского опубликована, к сожалению, далеко не в полном объеме. В третий том «Сочинений К. Н. Батюшкова» включено лишь 21 письмо его к Вяземскому. Несколько писем были опубликованы Н. В. Фридманом в периодических изданиях.[2] Но еще не

---

[1] *Степанов Н.* Поэты и прозаики. М., 1966, с. 73.

[2] См.: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1955, т. XIV, вып. 4, с. 370—371; Огонек, 1957, № 16, с. 27; Русская литература, 1970,

lib.pushkinskijdom.ru

менее 15 писем и записок Батюшкова к Вяземскому, хранящиеся в ЦГАЛИ,[3] остаются неопубликованными, так же как и ответные письма Вяземского.[4]

Публикуемое письмо хранится в ИРЛИ (ф. 19, ед. хр. 21). Единица хранения озаглавлена: «К. Н. Батюшков. Письма к неизвестным». Как нам удалось установить, в письме разбирается стихотворное послание П. А. Вяземского «К Жуковскому», не включенное Вяземским в собрание сочинений и опубликованное лишь в 1935 г. В. С. Нечаевой.[5] Об этом разборе Батюшков упоминает в письме к Вяземскому от 10 июня 1813 г.: «...я писал к тебе в Ярославль и послал даже замечания на твое послание; получил ли ты мое письмо — не знаю» (III, 226).

Письмо Батюшкова интересно во многих отношениях. Прежде всего, оно позволяет более точно датировать послание Вяземского «К Жуковскому», которое В. С. Нечаева отнесла к 1813—1815 гг. на том основании, что именно в это время «Вяземский остро переживал сомнения в своем поэтическом призвании».[6] Беловой автограф послания значительно отличается от той редакции его, которая была передана для замечаний Батюшкову, вероятно, в феврале 1813 г., когда последний был у Вяземского в Ярославле, проездом в Петербург.[7]

Кроме того, это письмо открывает нам важную черту творческого облика Батюшкова: он был признанным в кругу друзей редактором и критиком чужих произведений. Гнедич, Жуковский, Вяземский довольно часто присылали ему только что написанные вещи «для замечаний», для того чтобы он указал на «безделки, но важные для уха» (выражение Батюшкова: III, 162), исправил слог и «ошибки против языка». Батюшков сам многократно возвращался к своим произведениям, сетовал на свою страсть к исправлениям и в то же время, например, иронически писал о Жуковском: «Он не из тех людей, которые *переправляют*» (III, 390, 299). В этом отношении интересен сам характер замечаний на послание Вяземского и то, как Вяземский использовал эти замечания при дальнейшей переделке стихотворения.

Прости мне мое молчание. Все сии дни я был занят или, лучше сказать, не жил дома: вот почему и не успел сделать замечания на твое прекрасное послание.[1] Теперь на досуге при-

---

№ 1, с. 185—188; Прометей: Историко-биографический альманах серии „Жизнь замечательных людей". М., 1967, т. 2, с. 146—149.

[3] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1416.

[4] Часть писем Вяземского к Батюшкову см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 28. Н. В. Фридман отмечал, что им совместно с Н. В. Измайловым подготовлена к печати неопубликованная переписка Батюшкова и Вяземского, которая, однако, напечатана не была. См.: Русская литература, 1970, № 1, с. 183, примеч. 2.

[5] В кн.: *Вяземский П. А.* Избр. стихотворения / Ред., статья и комм. В. С. Нечаевой. М.; Л., 1935, с. 104—107.

[6] Там же, с. 482.

[7] В сентябре 1812 г. Вяземский вместе с беременной женой уехал из Москвы в Вологду, откуда в начале февраля 1813 г. переехал в Ярославль, где находился до мая 1813 г.

lib.pushkinskijdom.ru

ступаю к делу. Вообще весь тон стихов благороден и выдержан — за это тебе поклон, — но мне кажется, что:

Прозаик милый мой...

Прозаик — не хорошо, и еще *милой!* — притом Жуковский, если он прозаик и поэт, то, конечно, и музам друг: следственно, здесь плеоназм. Все четыре стиха растянуты; надобно было вдруг изъяснить, чего ты требуешь.[2]

Я от тебя хочу...

Я от тебя хочу... Против ударения. — Эти стихи легко поправить.

Все следующие прекрасны, а этот очень счастлив:

В сотрудников число на упокой попасть![3]

Но что значит:

В храм славы пропуска для будущей субботы? —

Этой субботы я не понимаю и никто не понял.[4]

Кляну...
Бумаги выдумку, и перья, и себя...

Немного холодно! скажи как-нибудь повеселее — ты на это мастер.[5]

Зритель *неучастной* — нельзя; лучше, кажется, непричастный. Но и в таком случае сказать необходимо, в чем? — ибо того требует наше словосочинение.

Благодарю за похвалу (я этого не стою! помилуйте! пощадите!), но *бездумный* — слишком смело; по крайней мере мне так кажется.[6] Потом все стихи прекрасны, кроме растянутых:

Жуковский, просвети ты мрак *недоумений*
И на беду мою воюющих *сомнений*
Ты *прекрати* во мне *всечасную борьбу.*

Холодно, потому что одна мысль в разных словах; я желал бы и здесь поболее комических стихов.[7] Далее все хорошо, прекрасно — а этот стих очень счастлив:

Обидит ли кого он одою своею?

Но...

И музами тройным венком *почтимый* он —

нельзя сказать никак![8]

Пусть одой ближнего Хлыстов не обижает,
Но я и здравый смысл обидеть не хочу!

Прекрасно, прекрасно! Я доволен остальными, а особливо:

На то и дураки, чтобы дурачить их.[9]

lib.pushkinskijdom.ru

Всего счастливее! Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs.[a, 10] Зачем ты кончишь Волтером? — тут никакой связи нет ни в мыслях, ни в словах. А этот стих очень дурен и холоден, и неприятен для слуха:

Сей запросто себе стих в Эпиграфы взял...[11]

Бога ради, поправь его или, лучше, переделай вовсе.

Вот что я заметил важнейшего. Приделай другой конец, дай более жизни иным стихам, и твое послание будет достойно и тебя, и Жуковского. Я слишком люблю тебя и дорожу тобою, чтоб тебя обманывать. — Перевод из Волтера не так хорош — и далек от послания.[12] Не поленись, еще раз переправь его и пришли сюда поскорее, только ко мне. Я отдам его в печать, если хочешь. Теперь скажу тебе приятную весть. Жуковс‹ки›й в Белеве. Прислал оттуда к Дмитриеву своего «Певца» с поправками и с посвящением государыне Елизавете Алексеевне, которая написала к Ивану Иванов‹ич›у лестный для Жуковского рескрипт и *перстень*.[13] Это его должно обрадовать. Пиши к нему в Белев. На прошедшей почте я послал к тебе письмо Северина, доставленное мне Дашковым. Получил ли ты его?

Я ожидаю сюда Бахметева и буду проситься в армию.[14] Прости, будь здоров и помни твоего

Батюшкова.

9 мая 1813.

[1] Батюшков приехал в Петербург из Нижнего Новгорода в конце февраля 1813 г., 29 марта был принят на военную службу и назначен адъютантом к генерал-лейтенанту А. Н. Бахметеву (1774—1841), потерявшему в Бородинском сражении ногу. Бахметев лечился в Нижнем Новгороде, и Батюшков ожидал его приезда в Петербург. Ср. в письме В. Л. Пушкина к Батюшкову от 20 мая 1813 г.: «Я вам скажу, что желание ваше исполнится скоро. Почтенный генерал ваш просил меня вас уведомить, что он на днях, а именно послезавтра, отправляется в Петербург и что немедленно по приезде своем туда пошлет вас в армию» (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 44).

[2] Начальные «четыре стиха» отсутствуют в беловом варианте послания Вяземского, которое начинается так:

Жуковской, музам друг и сердцу друг любезный,
Я от тебя хочу принять совет полезный.

[3] Ср. в беловом автографе:

В ряды сотрудников на упокой попасть!

[4] В беловом автографе стих оставлен без изменения.
[5] В беловом автографе эти стихи отсутствуют.
[6] Ср. в беловом автографе:

Там Батюшков, летя во след звезды надежной
И к верной пристани бег правя осторожной,
Манит меня к себе, — и вопреки всему,
Безумный! я едва не следую ему!

---

[a] Дураки существуют на свете для наших маленьких удовольствий (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

[7] В беловом автографе изменен первый стих:

Жуковской, будь мне вождь, будь мой хранитель-гений!

[8] Ср. в беловом автографе:

Когда от Муз тройным венком увенчан он.

[9] В беловом автографе этот стих отсутствует.
[10] Стих из комедии Ж. Б. Грессе «Злюка» («Le Méchant») (д. II, явл. 1).
[11] Ср. в беловом автографе:

Остряк Вольтер сказал собратиям своим:
«Все роды хороши, но скучный нетерпим».
И истина сама иначе б не сказала.
Недавно Шаликов для Желтого Журнала
Сей запросто себе стих в эпиграфы взял;
Но скучный он едва ль для шутки не избрал.

Имеется в виду журнал П. И. Шаликова «Аглая», выходивший в 1812 г. в желтой обложке с указанным эпиграфом из Вольтера.

[12] Упоминаемый перевод Вяземского из Вольтера нам неизвестен.

[13] Об издании «Певца во стане русских воинов» Жуковского Батюшков писал неоднократно, считая это издание событием, имеющим большое общественное значение (см.: III, 227, 229, 705).

[14] Батюшков отправился в действующую армию лишь 24 июля 1813 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3055, л. 3 об.).

lib.pushkinskijdom.ru